

ших дней ставится под сомнение сам принцип системности познания (ибо невозможно признавать систему в языке и не признавать системного способа ее изучения).

Конечно, если «универсализировать» системный принцип, то он может, действительно, привести к тому, в чем его упрекают. Его необходимо поэтому «увязывать» и «соединять» с диалектикой, несмотря на то, что он изначально включается в диалектико-материалистическую методологию, и, как говорят философы, имманентно присущ диалектике. Ибо, как только отдельная методологическая установка (будь то системно-структурный, функциональный или исторический подход) абсолютизируется, это неизбежно приводит к неполному, одностороннему отражению действительности.

С другой стороны, «предмет только потому и может изменяться исторически, что в пространстве и времени он является системно устойчивым единством взаимодействующих элементов и при любых условиях движения и развития не теряет этих характеристик» [7, с. 51]. Следовательно, если изучается не чистое движение, а система в движении, то первоначально необходимо познание системы и ее специфики. Иными словами, системно-структурный подход всегда предшествует историческому.

Иного пути исследования быть не может, ибо «исторический подход является разворачиванием структурного подхода во времени, он — только консекутивная фиксация структурности, реконструкция прошлых структурных состояний» [7, с. 52]. По словам Ф. Энгельса, «надо сначала знать, что такое данный предмет, чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят» [3].

Как известно, попытки науки сделать предметом своего изучения новые области реальности, новые ее измерения «породили ложное противопоставление системно-структурных (статичных, синхроничных) представлений представлениям историко-генетическим. Как это нередко бывало в истории познания, и сторонники новых концепций, и их оппоненты противопоставляли историзм и системность, эволюцию и организацию, синхронию и диахронию. В той мере, в какой каждая из противоборствующих точек зрения претендовала на универсальность, она оказывалась односторонней и абстрактной и, по существу, закрывала путь к всестороннему изучению и пониманию реальных объектов и процессов... действительности, которые всегда являются и сложно организованными (т. е. системными) и развивающимися» [8, с. 10].

В современном языкознании, и в частности советском, уже достаточно давно идут то более, то менее явные споры между двумя направлениями — сторонниками преимущественно исторического подхода к языку и сторонниками преимущественно системно-структурного подхода к нему. И хотя ни одни, ни другие по существу не отрицают противоположного подхода полностью, в их спорах постоянно возникают полемические крайности.

Сторонники системно-структурного подхода называют своих противников «традиционалистами», стоящими на позициях устаревшей, традиционной концепции языка (последние сетуют при этом на то, что в слово «традиционный» вкладывается отрицательный смысл), и обвиняют их в том, что они придерживаются атомарного взгляда на язык, скептически относятся к необходимости изучения системного характера языка в синхронии.

Сторонники же исторического подхода называют своих противников «структуралистами» (вкладывая в это название отнюдь не менее отрицательный смысл¹) и обвиняют их в том, что они претендуют на большее,

¹ Данным названием охватывается при этом не только «классический» структурализм 30-х — 50-х годов, но также и современный генеративизм, представители которого, как известно, ратуя за системный подход, сами противопоставляют себя структуралистам.